

Н.Г. БАРАНЕЦ, А.Б. ВЕРЁВКИН

ИСТОРИОЛОГИЯ Н.А. МОРОЗОВА В КОНТЕКСТЕ ПОЛОЖЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Ключевые слова: методы истории, проблема критики исторических источников, достоверность исторического знания, историология.

Аннотация: В статье очерчена концептуально-методологическая ситуация в исторической науке конца XIX – первой половины XX века. В ней выявляются позитивистские основания проекта Н.А. Морозова по изучению истории науки и вскрываются причины доктринально-методологического неприятия историологии Н.А. Морозова некоторыми его современниками.

Проект Н.А. Морозова превращения истории в науку посредством согласования её с естествознанием и выявления закономерностей исторического развития был выражением определённых тенденций, происходивших в гуманитарном знании, методологии и философии исторического знания. Учёные историки, мало интересовавшиеся проблемами эпистемологии исторического знания, допускали возможность объективной и достоверной реконструкции исторических событий, восстановления прошлого «как оно было на самом деле». При этом необходимость критической оценки источников на рубеже XIX–XX веков уже была осознана в среде профессиональных историков. Была подорвана вера в достоверность любого исторического памятника и воссозданных ранее картин прошлого.

ЕВРОПЕЙСКИЕ УЧЁНЫЕ О МЕТОДАХ ИСТОРИИ В XIX ВЕКЕ

Основы метода критического анализа источников заложили филологи. Ф.А. Вольф (1756–1824), изучая «Илиаду» и «Одиссею» и сопоставляя их с эпосом других народов, высказал мнение, что эти поэмы в разрозненном виде возникли в дописьменную эпоху и были созданы забытыми народными сказителями – рапсодами. Позднее с изобретением письменности они были запечатлены в известной нам форме. В своей работе 1795 года «Введение к Го-

меру» Вольф обосновал свою догадку критическим анализом текста. Так в литературоведении и историографии возник гомеровский вопрос и критическое направление в изучении античных литературных и исторических источников.

В первой половине XIX века в исторической науке лидировала немецкая историческая школа, ориентированная на исследование в области духовной культуры, языка и учреждений, обнаруживавших область «всеобщего» и «народного духа». Важным моментом, способствовавшим переосмыслению сложившейся исторической традиции, стала деятельность Тюбингенской исторической школы, возглавляемой Ф.Х. Бауром (1792–1860), разработавшей новое представление о первых веках христианства. Баур утверждал, что христианство не появилось как нечто готовое, постепенно развиваясь. Памятники христианской письменности содержат в себе действительный рассказ об исторических событиях, и этот исторический элемент необходимо и возможно выделить путём тщательного анализа источников.

С середины XIX века доминирующее положение заняли немецкие историки, применившие идеи Б.Г. Нибура (1776–1831) о необходимости критики исторического предания и очищении источников от наслоений с выявлением в них подлинного ядра. Нибур высказал идею о том, что историк должен выяснять подлинность текста, изучать его происхождение, влияние на него представлений эпохи, сравнивать имеющиеся свидетельства для уточнения подлинности описываемого события. При этом начинать следует с восстановления истории источников и его традиции. Сам Нибур первым написал историю источников римской истории и сделал это особым образом. Он считал, что в основе рассказов Тита Ливия о древнейших временах римской монархии и республики лежит недошедший до нашего времени римский эпос – Нибур восстанавливал его, исходя из своего поэтического чутья. Реконструируя древнюю римскую историю на основании воображаемого эпоса, отдельные моменты которого дают общепринятую картину древней традиции, Нибур исходил из современных ему представлений. Он широко

использовал метод исторической аналогии, который сейчас относят к презентизму и модернизации. Прделанная им работа уже в 1920-е годы воспринималось историками сдержанно-скептически. По оценке Э. Трельча (1865–1923), «Нибур дал немецкой – да и не только ей одной – исторической науке сильный толчок к критике и твёрдому установлению фактов, но он не принёс ей никакой конструктивной идеи» [1]. Кроме того, Нибур первым сформулировал задачу истории как научной дисциплины – извлекать из анализа событий практические правила и политические советы. Ранее этого периода главной задачей историка было доставить читателю художественное наслаждение [2].

Стремление Нибура дать очищенную от вымыслов историю древних римлян, его критическая работа над источниками были оценены современниками, и у него нашлось немало последователей. Одним из них был Л. фон Ранке (1795–1886), профессор Берлинского университета, основоположник исторической школы, возникшей из семинара, на котором критически анализировались источники германской средневековой истории. Свой метод Ранке не описал, но обучал ему на своих занятиях. Он напоминал, что историческое повествование передаёт не сам факт, а лишь впечатление, произведенное им на повествователя. По мере повторного пересказа истории её субъективный элемент усиливается. Критика должна стремиться дойти до первоисточника. Чтобы отделить субъективный элемент того или другого сообщения, необходимо принять в расчёт индивидуальную природу сообщающего, взвесить обстоятельства его жизни. Для точной оценки личности передающего мало одного знания; историк должен обладать до известной степени и творческой фантазией, он должен быть и учёным, и художником. Ранке считал, что истинная история возникает из соединения методического исследования, философского воззрения и художественного воспроизведения. По оценке В.И. Герье (1837–1919), все исторические кафедры в немецких университетах в 1890-е годы были заняты учениками Ранке, а критический разбор источников

и воссоздание истории на основе очищенного материала полностью занимало немецкую историческую науку.

Во второй половине XIX века значительный вклад в развитие исторической науки внесли позитивистски ориентированные учёные. О. Конт (1798-1857) поставил задачу превращения истории в положительную науку. Но для того, чтобы история из описания суммы единичных фактов превратилась в полноценную науку, она должна была быть нацелена на обнаружение закономерностей развития общества. Философия позитивизма оказала определяющее воздействие на понимание смысла исторических фактов. Поскольку идеалом научного знания позитивисты считали естествознание, исторический факт представлялся им, по аналогии с естественнонаучным фактом, изолированным объектом, независимым от всех остальных и от познающего его исследователя. Факты в готовом виде есть в источниках, их можно извлечь и исследовать без связи с другими фактами. Конт своим разграничением наук на науки о природе и о духе (психике), способствовал возникновению установки на исследование психических и естественных законов духа как причин исторического развития.

Систематическую попытку разработки положительного метода сделал Г.Т. Бокль (1821–1862) в обширном труде «Истории цивилизации в Англии» (т.1–2, 1856–1861). Он полагал, что воспроизведение истории возможно только с помощью естественных наук – физической географии, метеорологии, физиологии. Развитие цивилизации зависит от климатических, геологических и физических условий. Политэкономический и психологический факторы также оказывают существенное значение на темпы развития цивилизации и особенности социальных и экономических отношений, – необходимо учитывать их при написании истории. Не менее важным средством превращения истории в положительную науку, по Боклю, является использование статистики. Статистика распространяет свои наблюдения на массы людей и учитывает большие временные периоды, что позволяет выделить в событиях повторения. Бокль предполагал наличие базовых принципов развития цивили-

лизаций: 1) прогресс цивилизации зависит от того, в какой мере исследуются законы природы и распространяются знания о них; 2) всякому успешному исследованию этих законов предшествует эпоха скептицизма; 3) открытия постоянно увеличивают научный потенциал общества, но нравственные способности человека развиваются мало; 4) главным препятствием для развития цивилизации является опека правительства и церкви.

Немецкая историческая школа и её позитивистское направление хотели заменить искусственные построения своих предшественников конкретными, опирающимися на жизнь представлениями. Историческая школа обращалась за этим к истории, позитивисты – к наблюдению. Историческая школа в большей степени была занята объяснением генезиса явлений, расчленением генетического процесса, а позитивисты – анализом общественных явлений. Историческая школа исходила из понятия о народе, а позитивисты – из понятия об обществе. Историки-позитивисты считали движущей силой истории социальные группы, исследуя коллективную психологию. Они признавали значимость ценностей культуры для личности и её поведения.

В 1897 году вышла книга Ш.В. Ланглуа (1863–1929) и Ш. Сеньобоса (1854–1942) «Введение в изучение истории», признанная современниками «библией позитивистского историзма» и представляющая собой изложение правил критики источников. Авторы утверждали, что история пишется по документам, которые есть результат мыслей и действий людей. Если нет документов, то нет и истории, и ничто не может их заменить. Каждый документ требует критического рассмотрения. Историк должен быть обучен правильному поиску документов и навыкам работы с ними, в том числе при помощи вспомогательных исторических дисциплин. Исторический метод уязвимее непосредственного наблюдения, так как историк имеет дело не с фактами, а тем как их воспринял писавший документ, и сам делает умозаключения исходя из своего личного опыта и системы ценностей. Для систематизации разрозненных фактов в единое целое рекомендовались некоторые процедуры [3]. К ним относились – воссоздание в воображении историка мысленного

образа, максимально похожего на тот, который непосредственно могли наблюдать свидетели события; группировка фактов о прошлых событиях по аналогии с настоящими; заполнение пробелов в ряде фактов на основании рассуждений и опоре на достоверно известные факты; сведение ряда фактов к формулам, позволяющим выяснить их общие признаки.

Историки-неокантианцы исходили из различия между науками о природе и науками о духе. История – это эмпирическая наука, констатирующая отношения отдельных людей и народов. Историческая наука изучает не общее, а единичное. В. Виндельбанд (1848–1915) и Г. Риккерт (1863–1936) на основании этого отрицали идею закономерности, как руководящую историческими исследованиями.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ МЕЖДУ ПОЗИТИВИСТСКОЙ И НЕОКАНТИАНСКОЙ ПРОГРАММАМИ

Среди отечественных историков никогда не было единства в понимании методов и предмета их науки. Историки московской и петербургской школ в 1880–90-е годы эволюционировали от позитивизма к неокантианству и «критическому позитивизму» [4]. Профессор Московского университета Т.Н. Грановский (1813–1855) в речи «О современном состоянии и развитии всеобщей истории» высказал мнение, что история должна заимствовать метод у естественных наук. Его ученик П.Н. Кудрявцев (1816–1858) был горячим сторонником критического метода Вольфа и Нибура, доказывая, что последовательное применение методов критики источников даёт возможность реконструировать достоверную историю древнего Рима и Греции. Он не сомневался в том, что история древнего мира столь же достоверна, как и новая история. Кудрявцев верил, что цепь европейских летописцев никогда не прерывалась, что они исправно вели записи событий, в результате чего история Европы не имеет значительных пробелов. Он считал, что чувство правды и истинности было знакомо древним летописцам, так же как и нынешним историкам, и поэтому их мнениям можно доверять, подвергнув исторической критике сам источник. Кроме того, по Кудрявцеву, археология, нумизматика

и прочие вспомогательные исторические дисциплины позволяют воссоздать достоверную историю прошлых веков.

В.О. Ключевский (1841–1911) придерживался позитивистских установок в историческом исследовании и был сторонником объективного метода в истории. Он считал ключевыми три приёма – наблюдение, сопоставление явлений и обобщение явлений. Наблюдением познаются отдельные явления, после их анализа открываются первичные элементы, которыми они произведены, что позволяет установить после изучения состав и взаимоотношения составных элементов. Сравнительное изучение даёт возможность установить свойства явлений в различных ситуациях. Сравнение в историческом изучении заменяет историку опыт естествоведа: «Никогда не достигнем мы того, чтобы история стала экспериментальной наукой, потому что у историка никогда не будет в руках того искусственного средства для познания свойств явлений, каким служит в руках естествоведа кабинетный опыт. Но у историка остается обширный опыт наблюдений, на котором он может, выбирая, сравнивать явления» [5]. Применение обобщения явлений позволяет выявлять исторические законы, устанавливая внутреннюю последовательность и связь явлений. П.Г. Виноградов (1854–1925) сформулировал принципы исторической работы, воспринятые всеми выходцами из московской исторической школы, прошедшими через его семинар. Задача историка – объективно восстановить исторические факты в их органической причинной связи. Исследовательская работа должна подчиняться принципу – исходить из текстов и не выдавать предположения за факты, относиться беспристрастно к своему делу и не вносить в него политических и патриотических мотивов и оценок, критически оценивать источники.

Антиковеды (М.И. Ростовцев, М.М. Хвостов, И.М. Гревс) и медиевисты (П.Г. Виноградов, М.М. Ковалевский, Н.И. Кареев, Р.Ю. Виппер), стоявшие на общих принципах позитивистской парадигмы в истории, сконцентрировались на исследовании социально-экономической истории своего периода [6]. Для позитивистской парадигмы истории характерно убеждение в

познаваемости истории общества, представляемого как организм, признание законов его развития, направленность на превращение истории в полноценную дисциплину по образцу естественнонаучных дисциплин.

В московской исторической школе В.И. Герье (1837–1919) и Р.Ю. Виппер (1859–1954) придерживались убеждения, что исследователь создает субъективный образ истории, так как его анализ субъективен, так же как и исследуемый текст источника, так же являющийся продуктом субъективного понимания событий. Герье скептически относился к идее применения методов естественных наук, так как полагал, что природно-климатические факторы не так уж влияют на жизнь народа. Так же он не жаловал и статистику, указывая на её неточность и самообман исследователей, полагающих, что они используют твердые факты. В упрек позитивистам-историкам он ставил то, что они забывают о роли идей, организующих коллективы, и целей, управляющих поведением людей. «Проверка и критика исторического материала составляют только часть его <историка> труда, так сказать аналитическую; остаётся еще синтетическая. Нужно собрать разбросанные материалы, слить разнообразные впечатления и создать из них целое. С этой своей стороны история никогда не может сделаться точной наукой, она всегда будет допускать субъективное творчество и будет приближаться к искусству» [7].

Р.Ю. Виппер начинал работать в позитивистской парадигме под влиянием дискуссий, проходивших в историографии, но, познакомившись с идеями эмпириокритицистов и неокантианцев, с 1916 года стал искать свои методологические подходы к исследованию истории. Он задумался над вопросами психологии творчества и причинами искажений исторической реальности в научных трудах. Познавательные возможности историка ограничиваются его мировоззрением, детерминированным социальными запросами, уровнем общественного развития, индивидуальными особенностями и религиозно-политическими пристрастиями. Выбор тематики исследования и «угол зрения» зависят от его жизненной позиции. Помимо уникального жизненного опыта на учёного влияет научная традиция, которая кристаллизуется

в категориальном аппарате. Схемы и термины, усвоенные от учёных старшего поколения, задают способ видения исторической реальности. В отличие от неокантианцев Виппер утверждал, что существует повторяемость исторических явлений в определенных рядах.

А.С. Лаппо-Данилевский (1863–1919) в обширной работе «Методология истории» (1910–1913) с неокантианских позиций анализировал виды исторических источников, способы их интерпретации, методы критики, устанавливающие научно-историческую ценность источника, методы установления достоверности или недостоверности показаний источника. Лаппо-Данилевский весьма подробно рассуждал о критериях и методах установления поддельности мнимых источников. Он размышлял о мотивах, движущих фальсификаторами: страсть к славе, личная выгода, генеалогический расчёт, желание услужить и ложный патриотизм. Он замечал, что подделки могут быть частичными и полными, и могут быть направлены на остатки культуры и исторические предания.

Лаппо-Данилевский, ссылаясь на многочисленные источники, статьи с описанием разного рода фальсификаций, перечисляет объекты подделок. Например, поддельные орудия из камня, иногда изготавливавшиеся в особых мастерских. Он подчеркивает, что особенно много подделок древностей на Востоке, где есть целые фабрики, занимающиеся изготовлением поддельных артефактов,— в Египте, Персии, Палестине, на Кипре. Не все, что считается остатками классической древности можно признать подлинным в Афинах, Неаполе, Риме, Париже, Брюсселе, Очакове, Одессе, так как и там занимаются подделками разного рода древностей, употребляя древние материалы и подлинные фрагменты старины. При этом, прежде всего, подделывают золотые вещи, монеты, терракоты, расписные вазы, статуи, картины, генеалогические акты, жалованные грамоты, статейные списки [8].

Не лучше дело обстоит с историческими преданиями, требующими от историка умения оценивать их историческую адекватность. Помимо поддельных надписей, многие хроники и анналы, сказания и легенды, биографии

и мемуары, народные сказки и песни оказываются поддельны [9]. Лаппо-Данилевский указывал, что источник может быть подлинным и, тем не менее, оказаться недостоверным, а неподлинный источник может содержать достоверные показания. Поэтому необходимо отличать понятие о достоверности или недостоверности источника от понятия его подлинности или неподлинности.

Лаппо-Данилевский размышлял о проблемах работы с историческими фактами, отмечая, что историк имеет дело не с собственными чувственными восприятиями, на основании которых он подвергает факт психологическому истолкованию, а с чужими впечатлениями, в символической передаче сохранившимися в остатках культуры и в традиции. Поэтому историк должен прежде восстановить факт в совокупности его элементов, а потом уже приступать к психологическому истолкованию. Историк строит образ событий, имея вначале конструкцию, на которую нанизывает материал, извлеченный из источников, и достроенный в результате догадок. Историк вынужден строить гипотезы о мотивах действий исторических личностей, исходя и косвенных намёков и анализируя совокупность условий, в которых принимались решения. Принимая гипотезу, историк приписывает ей объективно-реальное значение, и затем уже исходит из неё в своих дальнейших рассуждениях. Занимаясь изучением интересующего периода, историк должен иметь в виду общую историю человечества, её общее направление, многообразие эволюции, которое обнаруживается в едином историческом целом.

Отечественное сообщество историков вместе с европейскими коллегами приблизилось к смене исследовательских стратегий, уходя от позитивистской программы к неокантианству и умеренному релятивизму. Но после 1917 года ситуация была отягощена властным внедрением марксистской парадигмы и исключением нормального диалога по методологическим проблемам.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ПОД КОНТРОЛЕМ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Февральская и октябрьская революции 1917 года привели к смене не только правящего режима, но и всей системы общественной жизни. Годы гражданской войны были мучительны для всего населения и для учёных гуманитариев, в особенности, – ведь они не были полезны новой власти, не могли рассчитывать на её поддержку и не имели побочных заработков. От голода, холода и болезней в эти годы погибли выдающиеся учёные-академики – А.А. Шахматов, Б.А. Тураев, А.С. Лаппо-Данилевский, Е.С. Фёдоров, профессора – Х.Я. Гоби, П.А. Казанский, А.А. Иностранцев, В.Л. Бианки и т.д. Учёные-гуманитарии оказались в крайне тяжелой ситуации, их, в отличие от ученых-естественников и технической интеллигенции, не принимали в новую систему образования и науки без изменения исследовательской позиции на марксистскую.

К 1921 году политика «военного коммунизма» и гражданская война привели страну к острому политическому и экономическому кризису. Экономическая разруха и политические выступления заставили советское руководство провести серию реформ. Принятие нэпа благоприятно сказалось на политическом и экономическом положении страны. Политическая ситуация стабилизировалась, прекратились мятежи и восстания. В экономике тоже наблюдалось оживление, восстанавливалось производство. Рост централизации в управлении вёл к укреплению советской власти.

Советское правительство брало под наблюдение интеллигенцию и постепенно ликвидировало её глухую оппозицию. Были предприняты меры для снижения вредного воздействия чуждой идеологии: закрыты некоторые частные журналы и издательства, распущены философские общества при университетах. Именно «старая интеллигенция» рассматривалась как основное препятствие большевизации общества. Представителей технической интеллигенции решено было использовать, и тех, кто согласился сотрудничать с советской властью, приняли на работу. Гуманитарная интеллигенция вызывала большие подозрения, с ней работа велась в двух направлениях: с одной стороны, тех, кто выразил активное несогласие с политикой советской вла-

сти, репрессировали или высылали за границу; с другой – в связи с острой необходимостью распространения идей новой власти были предприняты усилия по созданию новой классово-сознательной гуманитарной интеллигенции.

От старых профессоров, которым разрешено было остаться преподавать по рекомендации В.И. Ленина, требовали знания марксистской литературы и сдачи специального марксистского экзамена. Целью власти было добиться трансформации политической и философской позиции представителей высшей школы, что в принципе почти удалось, так как стабилизация внешней и внутренней жизни страны, наличие свободы дискуссий в рамках марксистской парадигмы создавали благоприятный фон. Представители «старой» школы соглашались идти на компромисс и внешне выражали симпатию к марксизму.

Для подготовки кадров в 1918 году была создана Коммунистическая Академия, в 1919 году – Коммунистический университет имени Свердлова, в 1921 году был образован Институт Красной профессуры (ИКП). Но эти учреждения не могли вполне решить поставленную задачу, поскольку приём в них был жёстко ограничен классовым принципом. Одновременно преобразовывались старые университетские центры: в 1919 году по решению Советского правительства в МГУ, СПбГУ, КазГУ создаются факультеты общественных наук (ФОН), на которых преподавались все гуманитарные дисциплины. Декретом Совнаркома от 4 марта 1921 года было введено обязательное преподавание минимума по общественным дисциплинам, в качестве базового в него входил курс исторического материализма. Переломным для учёных-гуманитариев стал 1923 год, когда были ужесточены требования к научным сотрудникам второго разряда. Весной 1924 года был утверждён список обязательной марксистской литературы, знание которой было необходимо.

Новая власть создавала новые научные учреждения, в том числе научно-исторические центры. В 1919 году в Ленинграде была учреждена Госу-

дарственная академия истории материальной культуры. В 1921 году в Москве был основан Институт истории – его сотрудниками были не только марксисты, но и старая университетская профессура. В 1926 году была образована Историко-археографическая комиссия, занимавшаяся памятниками русской истории. В 1926 году при Коммунистической академии организовали Общество историков-марксистов, выпускавшее журнал «Историк-марксист». История стала исследоваться исключительно на основании принципов диалектического материализма, в социально-экономическом ключе, на основании формационного подхода, контуры которого постоянно уточнялись во всё более идеологизированных дискуссиях. Центр исследовательской деятельности сотрудников исторических институтов переориентировали на изучение новейшей истории Запада и России.

Качество подготовки специалистов-историков катастрофически падало. Получивший распространение «лабораторно-бригадный» метод обучения, прекращение чтения систематических лекционных курсов, отмена экзаменационных сессий, уход из университета квалифицированных специалистов пагубно сказался на подготовке студентов. В 1926 году на методической конференции одна из преподавательниц заявила: «Если мы сделаем опрос наших историков, то мы увидим, что мы больше понимаем историю, чем знаем её. А понимаем мы её, потому что учили Ленина, а не Милюкова, Ключевского и еще целый ряд историков» [10].

Главной задачей факультетов общественных наук (ФОНов) была подготовка идеологических кадров, которые смогут распространять марксистские идеи. Сокращались предметы и объём часов, отводимый на всеобщую и отечественную историю. Один из идеологов марксизма Ю. Ларин (М.З. Лурье, 1882–1932) в 1924 году написал: «Возьмем преподавание истории... Предполагается сейчас более или менее знать первобытную историю, древнюю историю, среднюю историю, новую историю, новейшую историю. Что если от каменного и металлического «доисторического» человека, познакомив вкратце с логикой возникновения товарного хозяйства, с его надстройкой,

перейти прямо к истории последних десятилетий?» Предлагалось упростить преподавание, исключив ненужную информацию, «представим себе, что «от Рождества Христова» прошло не две тысячи лет, а ещё двадцать тысяч лет. Неужто и тогда все ещё учить об Олеге, Иване Калите и «Соборном уложении» царя Алексея?» [11]. Этот подход так же распространялся на подготовку специалистов-историков. Лидер советской исторической науки М.Н. Покровский (1868–1932), определяя задачи института истории при Комакадемии в 1929 году (после ликвидации института истории РАНИОН, в котором ещё работали учёные с дореволюционной подготовкой), сказал: «Ни западной истории, ни русской истории, ни древней истории, ни средней истории, ни новой истории, ни новейшей истории – ничего нет! ... Мы решили таким образом организовать нашу работу в Институте, чтобы она была сосредоточена около основных нескольких крупнейших исторических проблем» [12]. Имелись в виду – история империализма, история эпохи промышленного капитала, история пролетариата в СССР. В результате произошло насаждение узкоспециализированных историков [13].

Осенью 1928 года состоялось совещание историков и пропагандистов, организованное по инициативе Агитпропа ЦК, принявшее решение покончить с разногласиями, которая ещё была на «историческом фронте». Покровский выступил за расформирование РАНИОН, бывший оплотом старых кадров. В 1929 году И.В. Сталин (1878–1953), выступая перед аграрниками-марксистами призвал ликвидировать разрыв между теорией и практикой, что предполагало и уничтожение разнообразия мнений.

На период 1929–1932 годов приходится несколько политических компаний против исторического сообщества. В 1929 году началось «Академическое дело», по которому преимущественно проходили историки, этнографы и краеведы. Академика С.Ф. Платонова (1860–1933) обвиняли в создании мифического «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России». По этому делу, кроме него, были арестованы академики–историки: Е.В. Тарле, Н.П. Лихачев, М.К. Любавский; члены-корреспонденты: С.В. Рожде-

ственный, В.Н. Бенешевич, А.И. Яковлев; профессора А.И. Андреев, Ю.В. Готье, С.В. Бахрушин. В подготовке антисоветского восстания, связях с иностранными разведками, создании нелегальных кружков обвиняли известных историков: С.К. Богоявленского, Б.А. Романова, П.Г. Васенко, В.Г. Дружинина, М.Д. Приселкова и др. [14].

В июле 1930 года после XVI съезда ВКП (б), на котором Сталин и Каганович выступили за исправление линии в национальном вопросе и борьбе с национализмом, началась борьба с шовинистическими тенденциями в исторической науке. В великодержавном национализме обвиняли С.Ф. Платонова, М.К. Любавского, С.В. Бахрушина, В.В. Бартольда. К началу 1930-х годов завершился разгром дореволюционной традиции отечественной исторической науки. Большинство старых учёных были вытеснены с профессионального поля, кроме тех, кто безоговорочно принял марксизм и проблематику, продиктованную партийными функционерами.

ПОЯВЛЕНИЕ ИСТОРИОЛОГИИ И ЕЁ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

С 1924 по 1932 годы Н.А. Морозов (1854–1946) опубликовал 7 томов междисциплинарного исследования «История человеческой культуры в естественно-научном освещении», известного под коротким названием «Христос» (причем, наименование «Христос» было выбрано не в евангельском смысле, а по его греческому значению – «посвященный в тайные знания»). Морозов говорил, что начиная работу по осмыслению истории, он вовсе не пытался ниспровергнуть историческую традицию. Но объективно применённые исследовательские методы естественных наук вынудили его выработать собственное историческое мировоззрение. В 1907 году Морозов опубликовал книгу «Откровения в грозе и буре. История возникновения Апокалипсиса», в которой, опираясь на астрономические методы, в значительной степени созданные им самим, доказывал, что Апокалипсис написан в начале октября 395 года Иоанном Златоустом, а не в первом веке апостолом Иоанном, как принято считать вслед за средневековыми теологами. Работа имела боль-

шой резонанс. Шесть тысяч экземпляров разошлись за полгода. Прогрессивно настроенная часть интеллигенции России отнеслась к этой работе Морозова весьма сочувственно, а религиозные историки и богословы выступили резко критически. Ими оспаривались не астрономические вычисления Морозова, а его астрономическое прочтение текста.

Опровергнув традиционную дату написания Апокалипсиса, Морозов обратился к библейским пророчествам. Не зная поначалу древнееврейский язык, он специально изучил его, находясь в коротком заключении в Двинской крепости в 1912 году. Анализируя книги пророков как источник астрономических сведений и как литературный текст с аллюзиями на более ранние тексты христианской традиции, Морозов пришёл к выводу, что пророчества написаны под влиянием Апокалипсиса и принадлежат к пятому веку нашей эры. В 1914 году он опубликовал свои выводы в книге «Пророки. История возникновения библейских пророчеств, их литературное изложение и характеристика». Поскольку дореволюционные власти отрицательно принимали его работу, подрывавшую Священную историю и хронологию, Морозов был временно вынужден отказаться от дальнейших исследований. В 1918 году он вернулся к своему проекту. При поддержке Ленина и Дзержинского Морозов опубликовал первые тома «Истории человеческой культуры в естественно-научном освещении». Седьмой том «Христа» вышел с большими трудностями – тайком было решено ликвидировать уже готовый набор тома, но при поддержке Председателя СНК А.И. Рыкова и управляющего делами СНК Н.П. Горбунова книгу всё-таки выпустили, но с уменьшением тиража. В 1932 году эта книга распространялась только в спецраспределителях. Вскоре его многотомное сочинение стало библиографической редкостью.

В 1930–1932 годах количество критиков работ Морозова возросло. Но теперь они возмущались отступлением Морозова от основ марксизма. Жалобы на идеологическую неправильность труда Морозова печатались в популярных идеологических журналах «Антирелигиозник»[15], «Революция и культура» и в газетах. Одним из аргументов критиков было то, что Морозов

посвятил своё сочинение Иисусу Христу, признанному научными атеистами лицом мифическим. В связи с этим его лицемерно обвиняли в религиозном мракобесии. В это же время прекратилась критика и упоминание теории Морозова в научной исторической литературе. Но именно в 1932 году Морозов получил гласную поддержку академического естественнонаучного сообщества – его избрали почётным членом Академии наук и он стал участвовать в работе Комиссии по истории науки В.И. Вернадского.

В своём семитомнике Морозов обосновал «теорию непрерывной преемственности человеческой культуры», построив новую реконструкцию древней истории, противоречащую традиционным историческим представлениям. Морозов доказывал, что существует связь геолого-географических, физических и социальных явлений, отразившаяся в древних документах, мифах и преданиях. Он начал изучать совместимость геолого-географической и астрономической обстановки с условиями предполагаемых исторических событий, использовал данные динамической геологии и материаловедения для проверки сложившейся хронологии.

В основании исторического проекта Морозова лежит философская установка позитивистской философии истории Бокля и желание превратить историю в полноценную научную дисциплину. «Всякая наука пользуется отдельными фактами лишь как материалом для вывода из них общих законов объясняющих эти факты. Значит, и история в её обычном чисто описательном состоянии не есть еще наука, а лишь материал для науки. Только в 1857–1861 годах знаменитый английский историк Генри Бокль первый начал подводить путь человеческой культуры на земной поверхности под определенные законы, а затем марксисты взялись за осмысление исторического процесса, объясняя события законами диалектического материализма» [16]. Эта цитата выражает позитивистскую философско-методологическую позицию Морозова и её связь с марксистской парадигмой. Марксизм с его выявлением закономерностей общественного развития созвучен позитивистским ориентациям Н.А. Морозова.

Переосмыслению традиционной истории способствовали два убеждения, сформировавшиеся у Морозова вследствие личного опыта. Во-первых, в аллегориях текстов допечатного периода он обнаружил астрономическое содержание, внесённое туда забытой астрологической традицией древности. Во-вторых, при анализе истории (ал)химии, он обнаружил легендарность многих авторов «герметического искусства» (Гермеса Трисмегиста, Демокрита, Зосимы из Панополиса). Опираясь на исследование по истории химии П.Э.М. Бертло (1827–1907), Морозов утверждал, что достоверными герметическими документами могут быть химические трактаты не ранее XIII века. Морозов также считал, что нужно изучить историю самой исторической науки, чтобы понять – как она создавалась и как возникли те искажения, которые он обнаружил.

Историология, по определению Н.А. Морозова, это история истории. Она должна изучать преемственность и развитие исторической науки, основываясь на достоверных психологических и эволюционных законах. История как наука может появиться лишь у зрелого общества, вышедшего из стадии детства. Первыми должны были появиться династические летописи, то есть политические истории, заказанные царями (не ранее IV века нашей эры). В V–VII веках появляются первые исторические монографии, «которые по преемственности своей художественной эволюции развились в исторический роман, а по научной преемственности в разные национальные истории, в роде английской – Маколея, или русской – Карамзина, и, наконец, во всеобщие истории, как у Шлоссера в XIX веке» [17]. Исходя из теории эволюционной непрерывности и усложнения психики человека с каждым поколением, Морозов отнёс сочинения Геродота и Фукидида по сложности их языка, конструкции и жанру в конец эпохи Возрождения и начало книгопечатного периода.

Эпоха Возрождения, подготовленная экономическим и культурным развитием Европейской цивилизации – это естественный этап развития человечества, интеллектуальные достижения которого вполне объяснимы, в от-

личие от ничем не подготовленных достижений Античного мира. Многочисленные произведения античных авторов были «открыты» именно в эпоху Возрождения на заре книгопечатания. Причины этого удивительного обстоятельства Морозов усматривает в следующем явлении: молодые талантливые авторы из-за дороговизны и консервативности печати не могли открыто публиковать свои новаторские работы, и по рекомендации издателей называли себя переводчиками или редакторами полузабытых писателей древности. В предисловиях обычно описывалась история чудесной находки: «рукопись обыкновенно оказывается найденной у безграмотных монахов и в каком-нибудь отдаленном монастыре, принадлежит такой-то знаменитости, и вот книга выходит в свет и быстро раскупается. А если и появляются обличители, лично знавшие автора и его работу, то после громкого успеха книги, они скоро принуждены бывают умолкнуть как клеветники» [18]. В этом Морозов увидел причину появления в начале книгопечатного периода большого количества апокрифов, приписываемых древним авторам произведений нового времени.

Морозов задал вопрос – почему в древней истории нарушаются закономерности, присущие развитию общества в новое время? Причину этого он находил в неправильных представлениях о прошлой жизни людей, отраженной в летописях и историко-литературных произведениях. Он также спрашивал – где и как хранились древние рукописи исторических первоисточников? Как определить их истинный возраст? Как оценить древность описываемых в них событий? Морозов считал, что древние источники были созданы незадолго до их печатной публикации, и, скорее всего, были уничтожены во время подготовки текстов к набору. А многочисленные манускрипты древности являются рукописными копиями печатных книг, изготовленными переписчиками на заказ или для личного пользования в силу чрезвычайной дороговизны или редкости печатных изданий.

Основной целью исторического проекта Морозова было согласование исторической науки с естественными науками. Причём задача состояла не в

разыскании новых исторических фактов, а в их новой систематизации и новом освещении того, что уже было известно специалистам. Это привело к пересмотру хронологии. Н.А. Морозов создал свою версию глобальной хронологии взамен традиционной, заложенной филологом И.Ю. Скалигером (1540–1609) и теологом Д. Петавиусом (1593–1652). Он высказал гипотезу о том, что общепринятая хронология искусственно растянута в прошлое, удлинена по сравнению с исторической реальностью. Морозов указывал древние тексты, описывающие одни и те же события, но датированные разными эпохами. Он пояснял, что древние тексты при переписывании порождали непохожие редакции одного сочинения. Сами исторические события при этом могли быть описаны столь различными способами, что впоследствии были восприняты за изложение историй разных времён и мест. Общие черты таких сочинений сложно определить на глазок, тем более, что наибольшее искажение получают фрагменты, эмоционально значимые для пристрастного читателя. Для определения таких историографических дубликатов Морозов предложил использовать статистический метод. Первые результаты его применения изложены в первом томе «Христа». В третьем томе Морозов использовал статистический метод для установления авторства текстов.

Для программы Морозова принципиальны несколько положений: эволюционные законы развития общества действуют и в новой, и древней истории; в эволюции человеческой культуры существует преемственная непрерывность; из-за преемственности общий уровень культуры народов никогда не понижался, а только перемещалась инициатива дальнейшего прогресса; всякая цивилизация распространяется из богато одарённых природою областей в менее одарённые. Морозов выделил три основных фактора эволюции государства: психическая эволюция человеческого организма, выражающаяся в усовершенствовании его мозга и в увеличении его знаний; экономическая эволюция, определяемая развитием техники; гражданская эволюция, выражающаяся в объединении народов через нормирование правительствами их гражданственности. Ключевая роль здесь принадлежит психической эво-

люции. В правильной истории общества нет разрывов, смены упадков и возродений. Начальные причины ложного понимания хода исторического развития заключались в отсутствии общей хронологии и в разновариантных описаниях одних и тех же событий, впоследствии приведших к многократному размножению письменной истории в историческом времени и пространстве.

Почему же революционное открытие Морозова пренебрегается историками? Причина этого, как полагал Морозов, кроется в самой организации исторического сообщества. Историки разделяются на коллекторов и узких специалистов. Первые – добывают новые исторические документы и артефакты. В результате своей нелёгкой работы они намерены найти новые материалы, поэтому не только легко искренно обманываются, но и склонны мистифицировать своих коллег. Вторые – имеют глубокие знания в какой-то ограниченной области и не приучены к широким обобщениям. Они доверяют мнению коллег и не всегда способны преодолеть авторитет традиции. Кроме того, существует инерция дисциплинарного сообщества, не желающего менять устраивающий многих, и в первую очередь – элиту сообщества, образ деятельности и представлений. Морозов прямо указал на причину игнорирования историками его проекта – нужны слишком большие усилия, чтобы поменять устоявшуюся традицию, или как бы сказали современные эпистемологи, – дисциплинарную матрицу. Сотрудники руководимого Морозовым института Лесгафта по астрономическому отделению постепенно стали уклоняться от деятельности в проекте Морозова, потому что эти расчеты были трудоемки сами по себе и лежали вне «магистрального пути» астрономии.

По-видимому, были и другие причины. Среди них – слишком узкая специализация большинства учёных, не позволяющая осуществить проверку работы Н.А. Морозова в целом. Историки на своём гуманитарном уровне не могли проводить и проверять астрономические расчеты, и, не зная истории естественных наук, не видели естественнонаучной информации в хорошо знакомых им текстах, воспринимаемых исключительно филологически. По-

этому естественнонаучная часть работ Морозова была для историков непонятна и неинтересна. По этому поводу весьма откровенно написал священник Иоанн Дмитревский в журнале «Вера и разум» (июнь-июль, 1908): «Дело в том, что астрономические выкладки автора мало доступны; немногим сравнительно, особенно из лиц богословского образования известны и карта звездного неба; вот почему предварительное содержание книги – в астрономической её части – для многих является делом невозможным; а именно в этой-то части и лежит центр тяжести «Откровения в грозе и буре»» [19]. Затем некоторые астрономы, вступившие в спор с Морозовым, профессионально проводя астрономические расчёты, были некомпетентны в области лингвистического анализа и исторической критики, и опирались здесь на мнения профессиональных историков, находящихся внутри критикуемой Морозовым хронологической традиции. Такого рода фрагментированная критика целостной теории Морозова содержала порочный логический круг, и с каждым оборотом дискуссии лишь укрепляла сомнения в достоверности общепринятой исторической модели.

Исторический проект Морозова был уникален в нескольких отношениях. Во-первых, – это была полноценная реализация позитивистской программы в боклевском понимании, в методологическом плане не соответствовавшая господствующим умонастроениям в отечественном историческом сообществе 1920-х годов. Во-вторых, Морозов как бывший политкаторжанин-шлссельбуржец полностью отошедший от политики, имел большой идеологический авторитет, поставивший его выше всех политических споров. Он был одним из немногих оставшихся предтеч большевистской власти, и лично общался по организационным делам с В.И. Лениным, Ф.Э. Дзержинским, А.И. Рыковым, А.В. Луначарским, И.В. Сталиным. Для всех них Морозов был «старшим товарищем» без претензий на политическое влияние, что обеспечивало ему такое положение, которое не могло критиковаться открыто. Возможно, и это было одной из причин отсутствия развернутой дискуссии о его проекте и историологии, в которой бы участвовали профессиональ-

ные историки старой школы, переживавшие трудные времена. В-третьих, историология Морозова с его скрупулезным и остроумным анализом фактов, интерпретациями и реконструкциями событий древней истории, интересом к проблемам развития религии и научного знания не вписывалась реалии отечественной исторической науки 1920-30-х годов.

Работа поддержана грантом РГНФ № 12-33-01329

Литература:

1. Трельч Э. Историзм и его проблемы. М.: Юрист, 1994. с. 237.
2. Герье В.И. Очерк развития исторической науки. М., 1895. с. 84.
3. Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М.: Дрофа, 2004. с. 203-204.
4. Нечухрин А.Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. – 1917). Гродно: ГрГУ, 2003. с. 6.
5. Ключевский В.О. Методология русской истории// Сочинения в 9 томах: Т. 6. М.: Мысль, 1989. с. 79.
6. Очерк деятельности отечественных историков дан Н.И. Кареевым «Отчёт о русской исторической науке за 50 лет (1876-1926)»//Отечественная история. 1994. № 2. с. 136-154.
7. Герье В.И. Очерк развития исторической науки. М., 1895. с. 113.
8. А.С. Лаппо-Данилевский приводит впечатляющий список примеров: монеты подделывались Кавино из Падуи, Дюшулем и Ле-Пуа в 16 веке, картины, будто бы найденные в окрестностях Рима, в Помпеях или в Геркулануме были сделаны Гверрой, надписи сочинены Фурмоном, документы изготовлены Шоттом и Врен-Люка//Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2010. с. 239.
9. Сборник песен Оссиана, составленный Макферсоном; перевод 9 книг Сахуниатона, сочиненный Вагенфельдом; мемуары Людовика XVIII- го, принца Талейрана сфабрикованные Ламотом; сборник «Carya Magalonensis», придуманный Мокэн-Тандоном, описывающий якобы нравы, обычаи средневековых жителей Монпеллье.
10. Цит по: Кривошеев Ю.В., Дворниченко А.Ю. Изгнание науки: российская историография в 20-х-начале 30-х годов XX века//Отечественная история. 1994. № 3. с. 154.
11. Ларин Ю. Советы и интеллигенция. Хозяйство, буржуазия, революция, госаппарат. М. [б.г.]. с. 83-84.
12. Покровский М.Н. Институт истории и задачи историков-марксистов// Историк-марксист. 1929. Т. 14. с. 5, 8.
13. Кривошеев Ю.В., Дворниченко А.Ю. Изгнание науки: российская историография в 20-х-начале 30-х годов XX века//Отечественная история. 1994. № 3. с. 148.
14. Академическое дело 1929-1931 гг. Вып. 1., Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб.: изд-во Библиотеки Академии наук, 1993, 369 с.

15. Мишулин М. История с астрономией, или астрономия против истории// Революция и культура. 1930. № 23. с. 69-80; Ранович А.Б. Методология Н.А. Морозова в истории античности // Антиралигиозник. 1933. № 1. с. 28-34; Никольский Н.Н. Морозов о евреях, Палестине и Библии// Антиралигиозник. 1933. № 2. с. 45-48; Беляев Е.Н. Морозов об исламе // Антиралигиозник. 1933. № 3. с. 40-43; Баев К.Л., Шишаков В. Два фантастических вывода, не доказуемых астрономическими вычислениями// Антиралигиозник. 1933. № 3. стр. 44-46.
16. Морозов Н.А. Христос: Великая Ромея – первый светоч средневековой культуры. М.: КРАФТ+ЛЕАН, 1998. с.V.
17. Морозов Н.А. Христос. Во мгле минувшего при свете звёзд. М.: ЛЕАН, 1998. с. 478.
18. Морозов Н.А. Христос. Во мгле минувшего при свете звёзд. М.: ЛЕАН, 1998. с. 480.
19. Архив АН СССР. Ф. 543. О. 1. № 729. л. 6.